

Алла АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Фразеологическая интерпретация представлений о пространстве в славянских языках

Статья посвящена семантико-мотивационному анализу фразеосемантического поля «ПРОСТРАНСТВО», осуществленному на материале русского, украинского и чешского языков. В ходе исследования фразеологических единиц, вербализирующих понятия «удаленный — близкий», «перемещение», «находящийся внутри пространства — исходящий», определен набор образов, используемых для выражения пространственной семантики средствами фразеологии, и стоящих за ними мотивационных доминант. С использованием предметно-тематических кодов описаны обобщенно-пространственные и локативные характеристики пространства, в частности, «своего» и «чужого», отраженного во фразеологических единицах, с учетом культурологической составляющей их семантики и мотиваций.

Ключевые слова: фразеосемантическое поле; пространственные отношения; предметно-тематический код; мотивационная доминанта

Phraseological Interpretation of the Concept of Space in Slavic Languages

The article is devoted to the semantic-motivational analysis of the phraseosemantic field "SPACE" in Russian, Ukrainian and Czech languages. On the basis of phraseological units, verbalizing concepts of FAR and CLOSE, MOVEMENT, BEING INSIDE THE SPACE and OUT-GOING, there was determined a set of images used to express the spatial semantics by means of phraseology as well as the motivational dominants of them. Also, there are described the generalized spatial and locative features of space, in particular, the concepts of OWN and OTHER, reflected in phraseological units, taking into account the culturological constituent of their semantics and motivations.

Key words: phraseosemantic field; spatial relationships; subject and thematic codes; motivational dominant

Изучение фразеологизмов как неопценимого источника знаний о мировосприятии, мировидении и миропонимании лингвокультурного сообщества, отраженного в них, сегодня относится к приоритетным направлениям современного языкознания. Исследователи пытаются понять, каким образом ФЕ отражают факты бытия человека в зеркале различных языков под

знаком транскультурного и национально-культурного¹, избирая основным параметром в лингвокультурологическом и этнолингвистическом анализе понятие культурного кода². В. Красных, идентифицируя понятие «код культуры», сравнивает его с сеткой, которую культура набрасывает на окружающий человека мир и которая его членист, категоризирует, структурирует и оценивает³. При этом между кодами культуры наблюдается двувекторная знаково-содержательная динамика: один код на основе знаковых переносов и содержательных преобразований соединяется с иным кодом культуры. Знаки одного кода в интегрированном значении фразеологической единицы теряют свою семантику, превращаясь в обозначения иных культурных кодов, и наоборот, к определенному коду формально присоединяются знаки других кодов в целях формирования определенной семантики⁴.

Одним из возможных способов изучения и описания фразеосемантического поля, наряду с исследованием «от значений» и «от мотивов», ученые называют членение массива ФЕ на своеобразные тематические группы в зависимости от образов, к которым обращается номинатор в поиске вербального отождествления определенного смысла. Совокупность представлений об элементах, фрагментах какой-либо сферы действительности, посредством которой носитель языка осмысляет действительность иного рода, производя операцию «внекатегориального предметного отождествления», М. Рут, Е. Березович, Т. Леонтьева⁵ определяют как *предметно-тематический код*. С использованием идеи предметно-тематических кодов как знаковых систем, отражающих способ познания человеком одной действительности черз

¹ См. TELIJA, V. N.: *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty*. Moskva, Jazyki russkoj kul'tury, 1996; ŽAJVORONOK, V. V.: *Znaky ukrajins'koji etnokul'tury: Slovnyk-dovidnyk*. Kyjiv, Dovira, 2006; KONONENKO, V. V.: *Mova u konteksti kul'tury*. Kyjiv–Ivano-Frankivs'k, Plaj, 2008; UŽČENKO, V. D., UŽČENKO, D. V. *Frazeologija sučasnoji ukrajins'koji movy*. Kyjiv, Znannja, 2007. Далее, напр., Х. Вальтер, В. Мокиенко.

² См. KOVŠOVA, M. L.: *Kul'turno-nacional'naja specifika frazeologizmov (kognitivnyje aspekty)*. Diss. kand. filol. nauk. Moskva, 1996; KRASNYCH, V.: *Ėtnopsicholingvistika i lingvokul'turologija*. Moskva: ITDK «Gnozis», 2002; PETROVA, L. A.: *Lingvokognitivnyje osnovy chudožestvennoj kartiny mira*. Simferopol', OAO «SGT», 2006; SAVČENKO, L. V.: *Fenomen etnokodiv duchovnoji kul'tury u frazeologiji ukrajins'koji movy: etymologičnyj ta etnolingvistyčnyj aspekty*. Simferopol', Dolja, 2013; DEMYDENKO, H. H.: *Typologija kodiv kul'tury v ukrajins'kij paralelnhval'nij frazeologiji*. Filologični studiji. № 10, 2014, s. 28–34 и др.

³ См. KRASNYCH, V.: *Ėtnopsicholingvistika i lingvokul'turologija*. Moskva: ITDK «Gnozis», 2002.

⁴ См. CIV'JAN, T. V.: *Lingvističeskije osnovy balkanskoj modeli mira*. Moskva, Nauka, 1990; JAKOVLEVA, Je. S.: *O nekotorych modeljach prostranstva v russkoj jazykovoju kartine mira*. Voprosy jazykoznanija, 1993, № 4; SELIVANOVA, O. O. *Konetualizacija prostorovoju orijentaciji v ukrajins'kich frazemach*. Movoznavstvo, 2004, № 1, s. 17–25.

⁵ BEREZOVIČ, E. L., RUT, M. Ė.: *Onomasiologičeskij portret realii kak žanr lingvokul'turologičeskogo opisanija*. In: *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, № 17, Gumanitarnyje nauki, vyp. 3: Filologija. Jekaterinburg, Izd-vo UrGU, 2000; LEONT'JEVA, T. V.: *Intellekt čeloveka v russkoj jazykovoju kartine mira*. Jekaterinburg, Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t», 2008.

другую, и элементов кода как средств овеществления представлений носителя языка о номинируемом объекте действительности можно изучить и описать назначение представляющих один и тот же код образов и ассоциаций, а с их помощью зафиксировать концептуализацию информации о данном объекте. Реконструируя эти представления, исследователи предлагают прибегнуть к сопоставлению элемента кода и номинируемого объекта, точнее, представления о нем, с целью обнаружить мотив, объясняющий причину их ассоциирования друг с другом. Таким образом, исследование осуществляется в направлении *значение* → *образ*, включенный в систему предметно-тематических кодов → *мотив*⁶.

Одним из универсальных кодов культуры является **пространственно-динамический код**. Лексико-фразеологическая интерпретация пространства и перемещения в нем в славянских и неславянских языках стала предметом изучения в работах С. Яковлевой⁷, Т. Цивьян⁸, В. Топорова⁹, Е. Кубряковой¹⁰, Е. Селивановой¹¹, Л. Романюк¹², М. Всеволодовой¹³, О. Ксенцовой¹⁴, М. Алевфиренко¹⁵, Н. Венжинович¹⁶, К. Мизина¹⁷, П. Редина¹⁸, Л. Кобылецкой¹⁹ и др. Исследуя различные конституирующие признаки фразеологизированного пространства, ученые приходят к мнению о том, что в научной и языковой (фразеологической) картине мира пространство отражено неравнозначно:

- ⁶ LEONT'JEVA, T. V.: *Intellekt čeloveka v ruskoj jazykovej kartine mira*. Jekaterinburg, Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t», 2008.
- ⁷ JAKOVLEVA, Je. S.: *O nekotorych modeljach prostranstva v ruskoj jazykovej kartine mira*. Voprosy jazykoznanija, 1993, № 4.
- ⁸ CIV'JAN, T. V.: *Lingvističeskie osnovy balkanskoj modeli mira*. Moskva, Nauka, 1990.
- ⁹ TOPOROV, V. N.: *Prostranstvo i tekst*. In: *Tekst: semantika i struktura*. Moskva, 1983.
- ¹⁰ KUBRJKOVA, Je. S.: *O ponjatijach mesta, predmeta i prostranstva*. In: *Logičeskij analiz jazyka*. Jazyki prostranstv. Moskva, Jazyki ruskoj kul'tury, 2000.
- ¹¹ SELIVANOVA, O. O. *Konetualizacija prostorovojoj orijentaciji v ukrajins'kych frazemach*. Movoznavstvo, 2004, № 1.
- ¹² ROMANJUK, L. V.: *Antropocentryzm prostorovyh vidnošen' v ukrajins'kij frazeolohiji (na materialih frazeolohizmiv funkcional'no-semantyčnogo polja lokatyvnosti)*. In: *Visnyk Charkivs'koho nacional'noho universytetu im. V. N. Karadžina*, 2013, serija: Filolohija, № 1048, vyp. 67.
- ¹³ VSEVOLODOVA, M. V.: *Kategorizacija prostranstva i vremeni kak otkraženije nacional'noj jazykovej kartiny mira*. In: *Voprosy funkcional'noj grammatiki*, t. 3. Grodno, 2000.
- ¹⁴ KSENCOVA, O. B.: *O strukture frazeo-semantičeskich polej «prostranstvo» i «vremja» v ruskom jazyke*. In: *Slovar', grammatika, tekst v svete antropocentričeskoj lingvistiki*, vyp. 2. Irkutsk, 2003.
- ¹⁵ ALEFIRENKO, N. F.: *Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoje prostranstvo jazyka*. Moskva, Flinta, 2010.
- ¹⁶ VENŽYNOVYČ, N.: *Pozytyvna reprezentacija ljudyny y frazeolohizmach ukrajins'koji movy*. In: *Ukrajins'ka mova*, 2010, № 2.
- ¹⁷ MIZIN, K. I.: *Porivnannja u frazeolohiji*. Vinnycja, Nova Knyha, 2009.
- ¹⁸ REDIN, P. O.: *Fraeolohizmy z prostorovym značennjam*. In: *Kul'tura slova*, vyp. 33. Kyjiv, Naukova dumka, 1987.
- ¹⁹ KOBYLEC'KA, L.: *Strukturno-semantyčna charakterystyka čes'kych frazeolohizmiv na poznačennja prostorovyh vidnošen'*. In: *Visnyk Lvivs'koho universytetu*. Serija filolohična, 2012, vyp. 56, č. 1.

в языке мы имеем видоизмененное, антропоцентричное изображение физико-геометрических его параметров в виде прецептуального пространства, принадлежащего к сфере восприятия и интерпретации отношений в нем отдельным индивидом (номинатором) и отличающегося в метрическом плане от реального физического и геометрического пространства²⁰. Такое пространство воспринимается человеком через представления о себе и локализацию себя в нем относительно других предметов, оказываясь, таким образом, не только субъективизированным, но и антропо-предметно-ориентированным, «присвоенным», «освоенным» и «исхоженным» субъектом²¹.

Пространственно-динамический код во фразеосистеме связывается с другими кодами культуры путем двувекторного уподобления²²: с одной стороны, такое уподобление проявляется в использовании знаков локализации для обозначения чувств, состояний, качеств, действий, поступков, времени, модальности, меры и т. п., с другой — в «подпитывании» этого кода иными кодами, их мотивационными сферами, а через них — иными языковыми ресурсами для вербальной объективации пространственной семантики. Задачей данного исследования станет второй вектор такого уподобления: изучение фразеосемантического поля «ПРОСТРАНСТВО И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В НЕМ» как семантико-мотивационного единства, представляющего собой определенным образом структурированное образование, формально варьирующее в различных лингвокультурах. Мы попытаемся определить набор образов, используемых для выражения пространственной семантики «далеко–близко», «перемещение в пространстве» и «перемещение (отсылание) в инобытие («чужое» пространство)» в фразеологии русского, украинского и чешского языков, и стоящих за ними мотивационных доминант; выявить как общие модели фразеологической репрезентации пространства и перемещения в его границах, так и специфику отражения этого фрагмента действительности в форме ФЕ изучаемых славянских языков. Языковой материал извлечен из фразеологических, паремиологических, толковых словарей трех языков с привлечением словарей народных сравнений и региональной фразеологии. Принимая во внимание объем статьи, мы ограничились ФЕ, содержащими гиперсемы «локальность», «передвижение в пространстве», а также сему-интенсификатор «очень, чрезвычайно».

²⁰ MOSTEPANENKO, A. M.: *Problema universal'nosti osnovnykh svojstv prostranstva i vremeni*. Leningrad, Nauka, 1969; KOBYLEC'KA, L.: *Strukturno-semantična charakteristika čes'kych frazeolohizmiv na poznačennja prostorovych vidnošen'*. In: *Visnik Lvivs'koho universytetu. Serija filolohična*, 2012, vyp. 56, č. 1.

²¹ ТОПОРОВ, В. Н.: *Prostranstvo i tekst*. In: *Tekst: semantika i struktura*. Moskva, 1983; CIV'JAN, T. V.: *Lingvističeskije osnovy balkanskoj modeli mira*. Moskva, Nauka, 1990.

²² SELIVANOVA, O. O. *Konetualizacija prostorovoji orijentaciji v ukrajins'kych frazemach*. *Movoznavstvo*, 2004, № 1, s. 25.

Ведущим параметром пространства является локализация. Относительно нее обыденное сознание квалифицирует либо местонахождение иного объекта (статическая локализация), либо движение объекта (динамическая локализация). Во фразеологии пространство «прочитывается» по объектам, его заполняющим: по В. Топорову, в архаичном понимании пространства пространство не предшествует вещам, его заполняющим, но конституируется ими, и в этом плане является вторичным относительно объектов. Такое пространство «вещно» — без объектов оно как бы не существует, не поддается описанию²³.

Показательной относительно восприятия пространства обыденным сознанием как антропоцентричного, неточного, приблизительного, отраженного во фразеологии, является антиномия далеко–близко. В эти понятия непосредственно включен сам номинатор и все его неотъемлемые атрибуты, постоянно окружающие его предметы, объекты и т. п. *Близко* предполагает включение объектов в личную сферу номинатора, *далеко* — выключение их из личной сферы. Таким образом, на понимание пространства накладываается семиотическая оппозиция «свой» — «чужой»: признак «далекости» ассоциируется с чужим — внешним, иным, нежели человеческое, чуждым — пространством, признак «близкости» — со своим, внутренним. Именно в языке у человека появляется возможность описать пространство в терминах «далеко»–«близко»: в геометрическом плане такие характеристики исключены, там местонахождение определяется в точных метрических терминах²⁴.

Вектор далеко в изучаемых славянских языках обнаруживает ярко выраженную связь языка со средой обитания. Он горизонтально ориентирован и отражает «плоскостное», «равнинное» мышление носителей языков²⁵. Понятие *далеко* и *очень далеко* вербализируется в фразеологии изучаемых языков главным образом через элементы природного кода с активным использованием ландшафтной метафоры, которая реализуется через уподобление неопределенного, приблизительно удаленного от номинатора расстояния с условной границей обитаемого человеком и доступного ему жизненного пространства — *краем света (земли)*: рус. *на краю хрищеного света, на краю света (земли)*, укр. *на краю світу (світа)*, чеш. *na (druhém) konci (až na kraji) světa, konec světa*. В чешской фразеологической картине мира край (гра-

²³ ТОПОРОВ, В. Н.: *Prostranstvo i tekst*. In: *Tekst: semantika i struktura*. Moskva, 1983, s. 234.

²⁴ ЯКОВЛЕВА, Е. С.: *O nekotorych modeljach prostranstva v ruskoj jazykovoj kartine mira*. *Voprosy jazykoznanija*, 1993, № 4, s. 60.

²⁵ Картина мира может быть и другой: в языках горных народов, например, в будухском, стратификация по вертикальной оси накладываается на дистанционные значения. Слово может одновременно характеризовать местоположение объекта по линии близости/дальности и по вертикальной оси: *аце* «тот далекий, ниже меня» (KRYLOV, S. A.: *K tipologii dejk-tičeskich sistem*. In: *Lingvističeskije issledovanija*. Tipologija. Dialektologija. Ètimologija. Komparativistika, č. 1. Moskva, 1984, s. 140).

ница) обитаемого человеком пространства представлен фрагментом мифологического кода — образом затерянных (закрытых) врат: чеш. *ztracená (zapadlá) vrata*.

Эталоном (границей) приблизительной, но достаточно большой удаленности объектов оказываются фрагменты ландшафта — *зёмли, горы, долины, реки, воды, пропасти*. Выражения такого рода имеют в большинстве случаев ярко выраженную фольклорную основу: рус. *за тридевять земель; за семью горами, за семью морями, за семью холмами; за горами (морями, долами), семь верст до небес и все лесом*, укр. *за тридев'ять земель, за морями за горами, за горами й долами, за морем (морями) й долами*, чеш. *být za devíti (devaterými, devatero, sedmero, sedmerými) horami a řekami, za sedmero horami a devaterými řekami, za devatero horami a čtyřmi propastmi, za sedmi horami a sedmi vodami*. Рукотворным объектом ландшафта в русской и украинской фразеологии оказывается царство (рус. *в тридев'ятом (тридес'ятом) царстве*, укр. *у тридев'ятому (тридес'ятому) царстві*). Выразительным здесь видится взаимодействие нумерального и мифологического кодов: во всех языках использование числительных для обозначения вектора «очень далеко» связано с символическо-магическими свойствами чисел, по-разному представленных в форме ФЕ: *девять* (чеш.), *семь* (рус., чеш.) и *четыре* (чеш.). Числительное *тридев'ять* как реликт девятеричной системы исчисления имеет место в составе русских и украинских фразеологизмов.

В изучаемых языках приблизительная семантика «далеко, очень далеко» объективируется также посредством топонимов, реализующих в языковом сознании носителей языка символическое значение «очень (чрезвычайно) отдаленный»: чеш. *být někde v Tramtáři, být v Prčicích*²⁶. Подобное взаимодействие кодов обнаружено и в русских сравнениях *как до Китая пешком (раком), как пешком до Шанхая*.

Субъективность вектора близко отражается в форме ФЕ посредством наличия в них элементов метрического кода с семантикой приблизительности: рус. *неблизкий (не ближний) свет*, укр. *неблизкий світ, дальня даль*, чеш. *mít někam daleko, nemít někam blízko*. Только в украинском языке находим ФЕ с метрическим компонентом приблизительной семантики *близкий* в энантиосемическом значении с пометой и р о н. *близкий (блигомий, блигий) світ, близька сторона* «далеко». В чешском языке имеем ФЕ с элементами метрического кода с точным значением (*míle, hon*²⁷), которые в составе ФЕ теряют семантику точности и приобретают значение неопределенности — «очень

²⁶ *Tramtárie* — видоизмененное *Tatárie*, в перен. значении — затерянная, чрезвычайно отдаленная земля; *Prčice* — населенный пункт в Чехии, перен. «на краю света».

²⁷ *Míle* — метрическая единица, приблизительно 7,4 км. *Hon* — метрическая единица, примерно 125 шагов (187 метров), в земледелии — расстояние, которое может пройти тягловое животное с плугом без отдыха.

далеко». То же самое касается и конкретных числительных *десять, сто, тысяча*: чеш. *na hony (deset honů, mile, sto mil) vzdálený, na deset (sto, tisíc) mil vzdálený*.

Во фразеологической объективации вектора *далеко* во всех языках задействован мифологический код, отсылающий к мифологеме *бог* или демонологуеме *черт, дьявол* как символу «чужого», очень отдаленного, а потому опасного пространства, каковым оказывается *болото (кулички)*²⁸, *огненный ад*: рус. *бог (черт) знает где, у черта на рогах (в зубах), у черта на куличках, черт-те где*, укр. *у чорта на болоті (куличках); у чорта на куличках, де трава не росте; у чорта (дідька) в зубах (в рогах), у чорта за зубами*, чеш. *být někde po čertech (ďáblech), být v horoucích peklech*.

В вербализации понятия *далеко* в славянской фразеологии безусловно присутствует и «человеческое» измерение²⁹. По нашим наблюдениям, среди кодов, с помощью которых в семантике и форме ФЕ объективируется понятие «далеко», имеет место и соматический, посредством которого неопределенная, но достаточная отдаленность «визуализируется» и «озвучивается»: укр. *скільки ока, скільки око сягне, скільки зір сягає*, чеш. *být z dohledu, být z doslechu*. Представлена здесь также соматическая составляющая формы ФЕ, которая, по наблюдениям И. Франко, может иметь дисемичный характер: украинское выражение *О, то далеко, на кінці язика* может обозначать 1) далеко, но можно разузнать дорогу; 2) это здесь, близехонько (*мало не язиком досягти*)³⁰. Подобное явление встречаем и в русском шутильном энантиосемичном по структуре выражении [*Туда*] *рукой подать да*

²⁸ В старину *куличками* называли те места в лесу, которые были наиболее болотистыми и вязкими. Именно там, по преданиям, и водилась всякая нечистая сила во главе с чертом. Кулички — от диалектного (с измененным финским корнем) *кулиги (кулижки)* (в Словаре В. И. Даля находим *у черта на кулижках*). По другой версии, *кулички* — вполне определенное место в Москве. В XVII веке Кулижки располагались за Варварскими воротами, близ Ивановского монастыря в Белом городе. Сейчас в Москве есть церковь Всех Святых на Кулишках, построенная в XVII веке в честь русских воинов, павших на поле Куликовом. Она стоит в самом центре Москвы, на Старой площади, рядом с выходом из метро. На Кулижках XVII века стояла богадельня, где в 1666 году произошел случай «одержимости бесом». «Черт вселился» в одну из старушек, живших в богадельне. Беса пять недель изгонял (и изгнал!) преподобный Илларион. Именно в это время в Москве начали говорить «Иди к черту на Кулижки». То есть, первоначальное значение — «иди к черту», с указанием точного адреса, где этот черт находится. Об этом в книге «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» упоминает Иван Михайлович Снегирев — этнограф, фольклорист, профессор Московского университета XIX века (http://www.gramota.ru/igra/contests/archive/39_4).

²⁹ Ср. замечание Е. Е. Селивановой относительно вербализации пространственной семантики в украинских фразеологизмах: «в отличие от вектора «далеко», пространственный параметр «близко» коррелирует с человеческим измерением. [...] Вектор «далеко» не может непосредственно оцениваться человеком. [...] Такая локализация воспринимается условно, *вне зрительного ощущения номинатора* (SELIVANOVA, O. O. *Konetualizacija prostoroivoji orijentaciji v ukrajins'kych frazemach*. *Movoznavstvo*, 2004, № 1, s. 23.) (курсив наш — А. А.).

³⁰ FRANKO, Ī.: *Halyc'ko-rus'ki narodnji pryppovidky*. T. 1, vyp. 1, L'viv, 1901, s. 510.

двадцать верст побежать «очень далеко» (ср. *рукой подать* «близко, рядом» и *двадцать верст пробежать* «на достаточно отдаленном расстоянии»). Соматизмы имеют место и в объективации семантики «идти далеко, без конкретной цели»: рус. [*идти*] куда глаза глядят, [*идти*] куда ноги несут, укр. [*іти*] світ за очі, [*іти*] куди ноги понесуть, [*іти*] куди очі бачать, [*іти*] куди очі поведуть, чеш. *jít přítmo za posem*.

Семантика перемещения «идти очень далеко, неизвестно куда» реализуется через деятельностную метафору, связанную с зоонимным и антропонимным предметно-тематическим кодом: рус. куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не заносил, укр. де козам роги правлять (утинають), де Макар телят не пасе (не пас), куди Макар телят не ганяв, куди ворон кісток не занесе (не заносить), де Сидір козам роги править; де волам роги правлять, а кіз підковали; де Панас коні (не) пас, де Макар овець (не) пас, чеш. *kde lišky dávají dobrou nos*. Смысловое взаимодействие вариантных и постоянных компонентов в границах формы ФЕ, реализующей мотивационную модель «нелокализованное пространство → очень далеко, неизвестно где, неизвестно куда», создает целостную семантику ирреальности обозначаемого локуса. С другой стороны, перед нами эвфемистические наименования «чужого» и весьма отдаленного пространства. Семантика перемещения в отдаленное, ирреальное и опасное пространство в одних языках объективируется также при помощи мифологического кода: рус. [*идти*] к черту в турки, [*идти*] к черту на рога, укр. [*іти*] до чортів на виступці, [*іти*] до чорта на роги, в других — с помощью природного: чеш. *jít za (přes) sedmery hory, jít v neznámé končiny*.

Вектор *близко* в фразеологической его интерпретации коррелирует главным образом с человеческим измерением. Для приблизительной параметризации понятия «близко, очень близко» во всех языках широко используется соматическая метафора. Измеряя пространство частями своего тела, человек объективизирует его относительно себя самого с ситуативной корректировкой семантики близости: рус. *под рукой, под самым носом, перед носом, под боком, перед глазами, в двух (трех) шагах, три шага*, укр. *перед самим носом, під носом, під боком, за крок (два кроки), три кроки*, чеш. *mít něco při ruce (u nosu, u huby), na dosah ruky, za pár kroků, dva kroky, v těsném sledu, být na skok*. В чешском языке, кроме того, представлена антропная «зрительная» и «слуховая» составляющая «близости»: *být v dohledu, být v doslechu, být na obzoru, být viditelný*. Деятельностная метафора, связанная с небольшим расстоянием или радиусом выполненного действия, представлена в рус. *рукой подать, как палкой кинуть*, укр. *рукою подати, доплюнути можна*, чеш. *je, co by kamenem hodil*.

Объективизируя вектор «близко, очень близко» в «присвоенном себе» пространстве обитания, номинатор измеряет незначительное расстояние

с помощью рукотворных объектов, конституирующих его жизненное пространство. Так, предметный код представляют *части дома, подворья*: рус. *у порога, у ворот*, укр. *через тин плиг і дома*, чеш. *je to za hůtņny, mít to za rohet*; элементы *обуви* (укр. *як два лаптя по карті, до чортів на виступиці*); *рукотворные объекты*, связанные с дорогой и перемещением по ней (укр. *за мостом, до першого стовпа*); предметы *кухонной утвари* (гастрономичный код) — рус. *на ложке подать, что горшок со щами на ухвате передать*. В чешской фразеологии обнаруживаем энантиосемическую единицу с метрическим компонентом (семантика «далеко») и наименованием части дома — печи (семантика «рядом»): чеш. *čtyři míle za pecí*.

В русской фразеологии также представлено измерение близкого расстояния с помощью ландшафтной метафоры (рус. *не за горами*), во всех изучаемых языках — посредством зооморфной метафоры, причем в русском и украинском эталоне близкого расстояния выступает прыжок зайца, в чешском — шаг кошки: рус. *как заячий скок*, укр. *на заячий скік*, чеш. *je tam jenom kočičí krok*.

Параметризация пространства далеко–близко у славян тесно связывается с семиотической оппозицией «свой»–«чужой», а через нее — с архаичными аксиологическими представлениями о пространстве «хорошем» и «плохом». В славянской фразеологии все, что находится близко, рядом ассоциируется со «своим» пространством, все, что отдалено от субъекта на значительное расстояние, в обыденно-мифологическом сознании отождествляется с «чужим», неизведанным, опасным. В мифологической модели мира дорога, представленная во фразеологии наименованиями рус. и укр. *дорога (путь)*, чеш. *cesta* — это образ связи между двумя точками объективизированного в языке пространства. Постоянная его характеристика — сложность.

Учет историко-этимологических характеристик наименования дороги в славянских языках (рус., укр. *дорога* — и.-е. *dorg «продранное в лесу пространство», рус., укр. *путь* — и.-е. *rouť «преодоление; дорога, изобилующая опасностями», чеш. *cesta* — и.-е. *(s)kaid-t «чистый, ясный») не исключают того, что именно к архаичным значениям дороги восходит необходимость выражать человеку добрые и злые пожелания на его пути между двумя точками мифологизированного пространства. И хотя в русском и украинском языках *путь* и *дорога* существенно отличаются выражаемыми ими символами³¹, в благопожеланиях и злопожеланиях как элементах древнего магического ритуала они такие различия практически нивелируют. Подобные выражения приравниваются к заговорным формулам, которым приписывается особая магическая сила.

³¹ О. Черепанова считает, что в славянской культурной традиции символика *пути* связана с христианско-религиозным взглядом на мир, символика *дороги* — с языческим мировоззрением и мироощущением (ČEREPANOVA, O. A.: *Put' i doroga v russkoj mental'nosti i drevnich tekstach*. [Elektronnaĵa versija]. Dostup s <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>.

Поскольку дорога как перемещение в мифологизированном пространстве — предприятие опасное, понятие *дорога* оказывается включенным как в систему благопожеланий, так и злопожеланий. В народном сознании четко размежевывается «свое» и «чужое» жизненное пространство, хорошие для человека дороги и враждебные, опасные, чужие. «Своя» дорога выступает как оберег: на украинской Слобожанщине словами *Йди, поганко, геть, я йду своєю дорогою, а ти ступай по своїй* отгоняют ведьму. У славян имеет место представление о том, что дорога разделена на две части: правую, по которой ходят люди, и левую, по которой ходят звери и нечистая сила³². Так, идя «своей» дорогой, человек не подвергается опасности, здесь демонические существа не могут причинить ему зла. Л. Зорина приводит многочисленные примеры благопожеланий относительно дороги (пути) в русских говорах, где «охранным» мотивом для человека выступают мифологема Бог (*Бог по пути! По пути Бог в помощь!*), атрибуты дороги «ровная, чистая, широкая» и под. (*Путь да дороженька (дорога)! Путем-дорогой! Скатертью дорога³³, лентой ровной путь! Счастливый путь! Ровной дороги! Мир дороженьке (дорожкой)! Легкой дороги! Путь вам чистый! Широкий путь!*)³⁴. Подобные формулы встречаем в украинском и чешском языках: укр. *Легкої дороги [та захисту від Бога]! Чистої дороги!, Рушниками дорога!* чеш. *Šťastnou cestu!*

«Плохая» дорога представлена в народной культуре как чужой человеку локус, пространство, в котором находится опасно. Поэтому в злопожеланиях дорога ассоциируется с местами обитания демонических существ. Так, у И. Франко находим *И верхи ти дорога!* с комментарием «говорят злому, назойливому человеку, дескать, отвязись, иди на верхи и горы, куда отсылают злых духов»³⁵. Не-человеческий вектор дороги, потеря дороги либо ее «человеческих» атрибутов представлена в украинских злопожеланиях *А бодай ти дороги не стало! Иди в погану дорогу! А щоб ти на добру путь не зійшов! Запали би сі за ними дорога! Пся би ти дорога була!* Последнее выражение *пся* (песья) *дорога* очевидно связано с символикой собаки (пса) как животного нечистого. В русском и украинском языке наблюдаем разновидность злопожеланий — отсылания с компонентом *дорога* как настойчивую просьбу к адресату оставить «свой», положительный и охранный для

³² SLAVJANSKIJE DREVNOSTI. *Ėtnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moskva, Meždunarodnyje otnošenija, 1995, s. 128.

³³ В диалектах сохраняется первоначальное архаичное значение выражения *Скатертью дорога!* «пусть дорога будет гладкой (как скатерть), т. е. удобной, легкой». В современном языке имеем энантиосемическое развитие значений — от архаичного положительного до современного отрицательного «произносится в адрес того человека, которого не удерживают, в присутствии которого не нуждаются».

³⁴ ZORINA, L. Ju.: *Put' da dorozhen'ka!* Russkaja reč', 2013, № 5, s. 102–110.

³⁵ FRANKO, I.: *Halyc'ko-rus'ki narodnji pryповідky*. T. 1, вып. 1, L'viv, 1901, s. 148.

него и для номинатора-адресанта локус: рус. *Скатертью дорога! Иди (ступай) своей дорогой!*, укр. *Полотном дорога! Іди своєю дорогою! Зійди з моєї дороги!*

В чешском языке выражения аналогичной семантики не содержат компонент компонент *cesta* (*дорога*) в эксплицированном виде, но ассоциативно указывают на нее: чеш. *Nikdo tě [tu] nedrží! Jdi, kam chceš! Táhni po svých!* Любопытно, что в чешской паремологии³⁶ нами не обнаружены злопожелания с компонентом *cesta*, в то время как во фразеологии символично-магическое значение дороги как отклонения от эталона «чистая» проступает достаточно очевидно: *chodit po zlých (špatných, zapověděných) cestách, chodit křivými cestami, dostat se na špatnou cestu* и др.³⁷ Здесь также речь идет о «не-человеческих» свойствах дороги как магической линии, по которой осуществляется перемещение человека в мифологизированное отдаленное пространство.

В славянских пожелательных формулах отдаленное пространство также смыкается с «чужим», иным пространством, инобытием — местом пребывания злых духов, нечистой силы, вредоносных существ и сущностей. Чрезвычайно интересными здесь оказываются и злопожелания-«отсылания» другого человека в «нечистое место» — чуждое ему «не-человеческое» пространство.

Отсылание в иное пространство — номинация-оценка, выражение субъективного отношения номинатора не к собственно метрическим характеристикам пространства, а к конкретному факту, поведению и поступкам другого человека. Иным пространством, или нечистым местом, у славян считалось *перепутье* (укр. *Хай тебе винесе на роздоріжжя!*), *лес* как враждебное человеку пространство, *непроходимые места, заросли* (рус. *Шел бы ты лесом!*, чеш. *Jdi k šírku! Jdi do háje!*), *горы*, которые, по В. Жайворонку, у славян вызывают ассоциацию с горем: жить на горе часто обозначает «жить в горе». Кроме того, в славянской мифологии существует представление о злой (лысой) горе, горе с голой вершиной, на которой по ночам собираются ведьмы и нечистая сила³⁸: чеш. *Jdi na zlou horu! Jdi na horoucí horu!* Опасные элементы пространства (*лес, болото, низменности*) перечислены в украинском злопожелании, которое напоминает часть заговора: укр. *Іди на ліса, на болота, на ницькії лози, на сухії очерети, на широкий лист!* (ср. рус. *Иди в болото!*). Фрагментом заговорной формулы отсылания является и рус. *Подъте в горы, в пещоры, где люди не забредают, где звери не забегают*. Как видим, исходной в становлении формальной структуры таких выражений оказывается ландшафтная метафора.

³⁶ ČELAKOVSKÝ, F. L.: *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha: LIKA KLUB, 2000; ZAORÁLEK, J.: *Lidová rčení*, 2. vyd., Praha, 1963; FLAJŠHANS V.: *Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědi a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. 1–2, 2. rozšířené vydání, Olomouc, 2013.

³⁷ ČERMÁK, F. et al.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy slovesné*. I.–II. Praha, Academia, 1994.

³⁸ ŽAJVORONOK, V. V.: *Znaky ukrajinskího etnokultury: Slovník-dovidnyk*. Kyjiv, Dovira, 2006, s. 144, 334.

В украинском языке со злопожелательной семантикой «иди далеко, в чужое пространство, на пустое поле, безлюдные, незаселенные места» связан мотив одной из пяти стихий — воздуха (*ветра, вихря*): *О, щоб їх вихром винесло!*; *Лети з усіма вихрами!*; *Иди на штири вітри, а на п'ятий шум!*; *Иди [собі] геть на всі чотири вітри!*; *Иди на десять вітрів!*. Известно, что в славянских народных представлениях ветер и вихрь отождествлялись с различными демоническими образами и разного рода нечистью. Здесь же обнаруживаем связь с нечистым локусом еще одной из стихий мироздания — воды: укр. *Бодай ти з водою поплив!* (проклятье: чтобы ты исчез бесследно). Заметим, что в русских заговорных текстах существует обереговое выражение *Тебе дорога, нам другая* — обращение к вихрю как воплощению потусторонних вредоносных сил³⁹.

«Своим» и близким в архаичном мировоззрении славян считалось человеческое жильё. «Чужим» и далеким, опасным, нечистым представлялось человеку пространство, находящееся за его границами, в частности и жильё, не принадлежащее человеку: чеш. *Jdi za humna! Jdi na krkavčí zámek!* В чешском языке обнаруживаем в роли нечистого локуса элемент мифологического кода *ад*, куда попадают души грешников после вечных мук, с соответствующими его атрибутами: *Jdi do pekla! Jdi do horoucích pekel! Jdi do horoucí pese!*

Широко представлены в отсыланиях в чужой отдаленный локус и элементы мифологического кода — демонологемы. Пространственное представление «далеко», по мнению М. Жуйковой, коррелирует с наименованиями демонологических существ, ведь именно они мотивируют значительное количество злопожеланий как отсылания в нечистый локус: украинские выражения *до чорта, до гибелі, до пропасті* буквально обозначали «очень далеко», причем выражение *до чорта* и ему подобные следует понимать в метонимическом смысле — *до чорта* «до того места, где живет черт», то есть «до пропасті чортів» → «до пропасті» и «до чортів»⁴⁰. Отсылание к демоническому существу предполагало, таким образом, отсылание в «его» пространство: рус. *К черту (к бесу, к чертовой матери, к чертовой бабушке)*; *Ко всем чертям*, укр. *Иди к бісу!* *Иди к бісовому батькові!* *Иди до сто бісів!* *К дияволу (до диявола)!*; *Иди [собі] до чорта (до біса, до дідька, під три чорти і т. ін.)*, чеш. *Jdi ke všem čertům!* *Jdi k ďasů!* *Jdi ke všem ďablům!* *Jdi ke všem ďasům!* *Jdi ke všem čertům rohatým!* Образами, мотивирующими форму и семантику злопожеланий, оказываются и наименования других злых мифологических существ, представляющих значительно отдаленное «чужое» пространство: в украинском

³⁹ ŽUJKOVA, M.: *Proischoždenije vyraženiya tuda i doroga! i slavjanskije narodnyje predstavlenija o dvuch vidach smerti*. In: Antropologičeskij forum, 2004, № 1.

⁴⁰ ŽUJKOVA, M.: *Proischoždenije vyraženiya tuda i doroga! i slavjanskije narodnyje predstavlenija o dvuch vidach smerti*. In: Antropologičeskij forum, 2004, № 1, s. 267–276, 274.

языке это *лихо* (мифологическое существо, символизирующее злую судьбу), в русском — *леший* как представитель враждебного человеку пространства: рус. *Иди ты к лешему!*, укр. *Йди під лихо!*

Нечистый локус «далеко» представляют и элементы зоонимного кода — наименования животных, которые в архаичном сознании признавались нечистыми. Ими оказались *пес* (*собака*): рус. *Иди к псам! Иди к собакам! Иди к чертям собачьим!*, укр. *Йшов би ти песіми дорогами!*, а также *волк*, *козел*, *ворон* (чеш. *Ať se octneš, kde vlci vyjí! Jdi ke všem kozlům! Jdi na krkavčí zátek! Jdi krkavcův pást!*).

Нечистый локус в славянских языках связывается также с мотивом «идти очень далеко»: укр. *Пішов би ти туди, куди Макар телят не ганяв / де Сидір козам роги править; Пішов би ти Бог зна куди (дуже далеко)*. Отсылание подобным мотивом представлено в украинском и чешском языках, где эта семантика формально объективируется через топоним: укр. *Пішов би ти поза Уманню!*, чеш. *Jdi do Prčic!*

Как видим, во внутренней форме и семантике ФЕ отражено не само пространство как явление физическое, логико-философское, а представления человека о нем и его фрагментах. В очеловеченном пространстве присутствует как сам человек, так и объекты, составляющие его жизненный континуум, а само фразеологизированное пространство представляет собой модель мира славянских этносов, выражаемую на языке его пространственных представлений. Лингвокреативные тенденции использования ресурсов языка в знаково-культурном континууме фразеологизированного пространства оказываются следующими.

Понимая близость как «свое», внутренне пространство, а отдаленность — как внешнее, «чужое», вне- и не-человеческое, номинатор «измеряет» его по-разному. В вербализации понятия *близко* и *далеко* доминируют, соответственно, антропно и неантропно сориентированные предметно-тематические коды и мотивы, которые не исключают друг друга, а активно взаимодействуют, иллюстрируя явления пересечения кодов. В системе образов и мотивов фразеологизированной семантики *далеко* преобладают неантропные доминанты с использованием природного (ландшафтная метафора), мифологического (демонологемы, фрагменты потустороннего мира и пространства), социального (топонимы с символическим значением), зоонимного (нечистые животные) кодов. В значительно меньшей степени здесь представлены антропные элементы предметно-тематических кодов, «озвучивающие», визуализирующие, измеряющие отдаленное пространство с помощью соматизмов. Вектор *близко* пребывает главным образом в антропной мотивационной плоскости, в нем представлены соматический код, деятельностная метафора, фрагменты связанного с человеком предметного кода (элементы обуви, рукотворных объектов, человеческого жилища

и жилья), гастрономический код, а также неантропоориентированные элементы зоонимного кода.

В системе благопожеланий и злопожеланий четко прослеживаются представления о «своей», хорошей и «чужой», плохой дороге, причем образы плохой дороги в отсыланиях обнаруживают в значительной степени сходные ассоциации с отдаленным вне- и не-человеческим магическим пространством. В благопожеланиях имеют место выразительные признаки «своей», хорошей дороги как образа связи между двумя пространствами (чистой, ровной, гладкой и под.). В отсыланиях как злопожеланиях адресату переместиться во вне- и не-человеческое пространство представлены элементы мифологического кода (потусторонний мир, нечистая сила, нечистые места, архетипные символы вихря и воды), элементы предметного кода, разграничивающие «свое» и «чужое» жизненное пространство, фрагменты зоонимного кода [нечистые животные]).

Следует заметить, что сопоставительное изучение фразеологической параметризации пространства в трех славянских языках показало, что преобладающее количество предметно-тематических кодов и мотивов с практически соразмерной интенсивностью актуализировано во всех языках (к примеру, ландшафтная, топонимная метафора, мифологическая, соматическая составляющая мотиваций), незначительные различия засвидетельствованы во взаимодействии зоонимного с антропонимным и предметным кодом. При этом набор конкретных образов, используемый для вербализации представлений о пространстве в фразеологии изучаемых языков, оказался частично близким, частично различным, обусловленным спецификой видения мира представителями русской, украинской и чешской лингвокультур. Одним из примеров таких несоответствий могут стать различные наименования дороги в русском и украинском языках, с одной стороны, и чешском, с другой, генная память которых вполне могла оказать решающее влияние на их дальнейшую «судьбу» в фразеологизированном пространстве. Интересными в плане поиска целостного образно-смыслового континуума языковой объективации пространственно-динамических представлений в русском, украинском и чешском языках видится анализ фрагментов фразеосистем этих языков, вербализирующих динамическую локализацию (перемещение человека в пространстве) на фоне мифосимволического ореола реалий как неотъемлемых ее атрибутов, что станет предметом изучения в следующей нашей статье.

Литература:

- ALEFIRENKO, N. F.: *Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoje prostranstvo jazyka*. Moskva, Flinta, 2010.
- BEREZOVICĚ, E. L., RUT, M. È.: *Onomasiologičeskij portret realii kak žanr lingvokul'turologičeskogo opisanija*. In: *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, № 17, Gumanitarnyje nauki, vyp. 3: Filologija. Jekaterinburg, Izd-vo UrGU, 2000, 33–38.
- CIV'JAN, T. V.: *Lingvističeskije osnovy balkanskoj modeli mira*. Moskva, Nauka, 1990.
- ČELAKOVSKÝ, F. L.: *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha: LIKA KLUB, 2000.
- ČEREPANOVA, O. A.: *Put' i doroga v ruskoj mental'nosti i drevnich tekstach*. [Èlektronnaja versija]. Dostup s <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>.
- ČERMÁK, F. et al.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy slovesné*. I.–II. Praha, Academia, 1994.
- DEMYDENKO, H. H.: *Typologija kodiv kul'tury v ukrajins'kij paralilnhval'nij frazeologiji*. Filolohični studiji. № 10, 2014, 28–34.
- FLAJŠHANS V.: *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. 1–2, 2. rozšířené vydání, Olomouc, 2013.
- FRANKO, Ī.: *Halyc'ko-rus'ki narodnji prypovidky*. T. 1, vyp. 1, L'viv, 1901.
- JAKOVLEVA, Je. S.: *O nekotorych modeljach prostranstva v ruskoj jazykovoj kartine mira*. Voprosy jazykoznanija, 1993, № 4, 48–62.
- KOBYLEC'KA, L.: *Strukturno-semantyčna charakterystyka čes'kych frazeologizmiv na poznačennja prostorovych vidnošen'.* In: *Visnik Lvivs'koho univěrsytetu*. Serija filolohična, 2012, vyp. 56, č. 1, 212–218.
- KONONENKO, V. V.: *Mova u konteksti kul'tury*. Kyjiv–Īvano-Frankivs'k, Plaj, 2008.
- KOVŠOVA, M. L.: *Kul'turno-nacional'naja specifika frazeologizmov (kognitivnyje aspekty)*. Diss. kand. filol. nauk. Moskva, 1996.
- KRASNYCH, V.: *Ètnopsicholingvistika i lingvokul'turologija*. Moskva: ITDK «Gnozis», 2002.
- KRYLOV, S. A.: *K tipologii dejktičeskich sistem*. In: *Lingvističeskije issledovanija*. Tipologija. Dialektologija. Ètimologija. Komparativistika, č. 1. Moskva, 1984.
- KSENCOVA, O. B.: *O strukture frazeo-semantičeskich polej «prostranstvo» i «vremja» v ruskom jazyke*. In: *Slovar', grammatika, tekst v svete antropocentričeskoj lingvistiki*, vyp. 2. Irkutsk, 2003, 57–61.
- KUBRJKOVA, Je. S.: *O ponjatijach mesta, predmeta i prostranstva*. In: *Logičeskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv*. Moskva, Jazyki ruskoj kul'tury, 2000, 84–92.
- LEONT'JEVA, T. V.: *Intellekt čeloveka v ruskoj jazykovoj kartine mira*. Jekaterinburg, Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t», 2008.
- MĪZIN, K. Ī.: *Porivnannja u frazeologiji*. Vinnyca, Nova Knyha, 2009.
- MOSTEPANENKO, A. M.: *Problema universal'nosti osnovnyh svojstv prostranstva i vremeni*. Leningrad, Nauka, 1969.

- PETROVA, L. A.: *Lingvokognitivnyje osnovy chudožestvennoj kartiny mira*. Simferopol', OAO «SGT», 2006.
- REDĪN, P. O.: *Fraeolohizmy z prostorovym značennjam*. In: Kul'tura slova, vyp. 33. Kyjiv, Naukova dumka, 1987, 51–54.
- ROMANJUK, L. V.: *Antropocentryzm prostorovykh vidnošen' v ukrajins'kij frazeologiji (na materiali frazeolohizmiv funkcional'no-semantyčnogo polja lokatyvnosti)*. In: Visnyk Charkivs'koho nacional'nogo universytetu im. V. N. Karazina, 2013, serija: Filolohija, № 1048, vyp. 67, 49–53.
- RUT, M. Ė.: *Obraznaja nominacija v ruskom jazyke*. Jekaterinburg, Izd. Ural. un-ta, 1992.
- SAVČENKO, L. V.: *Fenomen etnokodiv duchovnoji kul'tury u frazeologiji ukrajins'koji movy: etymolohičnyj ta etnolinhvistyčnyj aspekty*. Simferopol', Dolja, 2013.
- SELĪVANOVA, O. O.: *Konetualizacija prostorovoji orijentaciji v ukrajins'kykh frazemach*. Movoznavstvo, 2004, № 1, 17–25.
- SLAVJANSKIJE DREVNOSTI. *Ėtnolinguističeskij slovar'*. T. 2. Moskva, Meždunarodnyje otnošenija, 1995.
- TELIJA, V. N.: *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty*. Moskva, Jazyki ruskoj kul'tury, 1996.
- TOLSTAJA, S. M.: *Akcional'nyj kod simvoličeskogo jazyka kul'tury: dviženije v rituale*. In: Koncept dviženija v jazyke i kul'ture. Moskva, Indrik, 1996, 89–101.
- TOPOROV, V. N.: *Prostranstvo i tekst*. In: Tekst: semantika i struktura. Moskva, 1983.
- UŽČENKO, V. D., UŽČENKO, D. V.: *Frazeologija sučasnoji ukrajins'koji movy*. Kyjiv, Znannja, 2007.
- VENŽYNOVYČ, N.: *Pozytyvna reprezentacija ljudyny y frazeolohizmach ukrajins'koji movy*. In: Ukrajins'ka mova, 2010, № 2, 33–43.
- VSEVOLODOVA, M. V.: *Kategorizacija prostranstva i vremeni kak otraženije nacional'noj jazykovoji kartiny mira*. In: Voprosy funkcional'noj grammatiki, t. 3. Grodno, 2000, 3–14.
- ZAORÁLEK, J.: *Lidová rčení*. 2. vyd., Praha, 1963.
- ZORINA, L. Ju.: *Put' da dorozhen'ka! Russkaja reč'*, 2013, № 5, 102–110.
- ŽAJVORONOK, V. V.: *Znaky ukrajins'koji etnokul'tury: Slovnyk-dovidnyk*. Kyjiv, Dovira, 2006.
- ŽUJKOVA, M.: *Do pochodžennja ekspresyvnogo vyrazu Tudy j doroha*. In: Ukraina. Między językiem a kulturą. Kraków, Universitas 2003, 275–280.
- ŽUJKOVA, M.: *Proischoždenije vyraženija tuda i doroga! i slavjanskije narodnyje predstavlenija o dvuch vidach smerti*. In: Antropologičeskij forum, 2004, № 1, 267–276.

Alla Archangelskaya

Palacky University in Olomouc, The Faculty of Philosophy,
The Department of Slavonic Studies, Olomouc, Czech Republic
alla_arkhahelska@yahoo.com